Сад из чужих решений

ИИ
Николай Вересков

Николай Вересков

Сад из чужих решений

https://litres.ru/74644374
SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если сожаления — не список ошибок, а семена?

После смерти матери Вера готовит дом к продаже и за старой теплицей находит необычные семена. Каждое связано с решением, которого она или кто-то другой так и не принял. Вера начинает выращивать из них растения — и вместе с ними оживают несостоявшиеся профессии, несказанные признания и жизни, которые могли бы случиться. Но «если бы» не дают готовых ответов: они лишь помогают понять, чего не хватает в настоящем.

«Сад из чужих решений» — пронзительная история о потере, чужих ожиданиях и свободе выбирать заново. Она для тех, кто сравнивает свою жизнь с возможной и боится ошибиться. Сожаление здесь становится не приговором, а подсказкой: как отличить свои желания от навязанных и попробовать новый путь маленьким, обратимым шагом — не меняя всё сразу.

Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

Содержание

Участок за старой теплицей 5
Семена, которых никто не посеял 15
Первый росток: жизнь, которую я не выбрала 24
Чужие развилки в моих грядках 35
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Николай Вересков
Сад из чужих решений

Сад из чужих решений

Николай Вересков

Участок за старой теплицей

Вера подняла коробку с книгами, донесла до калитки и остановилась, потому что на крышку упала капля. Потом ещё одна. Дождь был мелкий, почти невидимый, но картон темнел на глазах.

— Ну вот, — сказала Вера коробке и потащила её обратно под навес.

За три дня после похорон она успела рассортировать посуду, отдать соседке зимние пальто матери и заполнить чёрными мешками половину кладовой. Дом понемногу становился пустым, а значит, готовым к продаже. Так она себе объясняла. Удобнее было говорить «готовым», чем «оставшимся без мамы».

Коробку она поставила у задней двери. За ней, за домом, начинался узкий проход к старой теплице. Вера почти никогда им не пользовалась. В детстве там вечно цеплялись за рукава кусты смородины, потом мать засадила дорожку цветами, а последние годы всё заросло так, что проще было обходить дом с другой стороны.

Вера посмотрела на часы. До приезда оценщика оставалось полтора часа. Можно было успеть вынести ещё несколько вещей.

Она взялась за ручку двери, но в этот момент ветер шевельнул крапиву у стены. Зелёные стебли качнулись, и за ни-

ми показался клочок тёмной земли. Мокрой, мягкой, почти чёрной. На ней лежали прошлогодние листья.

Вера почему-то не отвернулась.

За теплицей была тень, пахло сырой древесиной и прелой травой. Один угол крыши провалился. На стекле держалась паутина, в углах стояла вода. Земля перед теплицей скрылась под крапивой, лопухами и тонкими побегами, которые она не сумела назвать. В детстве ей казалось, что мать знает название каждого растения. Теперь Вера поняла, что сама никогда не спрашивала.

Она шагнула к сараю, чтобы отодвинуть мешок с инструментами. Дверца заела, и Вера дёрнула её обеими руками. Изнутри пахнуло пылью и железом. На полу лежали пустые горшки, перевёрнутое ведро, комья засохшей земли. Она собиралась быстро сгребать всё в мешки, когда заметила лопатку.

Рукоятка потемнела, металл покрылся ржавыми пятнами. Лопатка была маленькой, с узким лезвием. Вера подняла её и большим пальцем смахнула грязь. На деревянной ручке остался гладкий участок, отполированный ладонями.

Под лопаткой лежала записная книжка в серой клеёнчатой обложке.

— Мамина, — тихо сказала Вера.

На первой странице стояло имя матери и год, написанный аккуратными цифрами. Дальше шли названия растений: календула, душистый горошек, иссоп, мальва. Рядом — даты,

иногда короткие пометки: «перенести», «не заливать», «взошла одна». Почерк был знакомый, но Вера редко видела его не на списке покупок или квитанции за свет. Мать писала так, будто каждое слово должно было занимать ровно столько места, сколько ему полагалось.

Вера перелистнула несколько страниц. Названия чередовались с пустыми строчками. На полях мать рисовала кружки и стрелки, но смысл рисунков ускользал. Это была не инструкция. Скорее следы наблюдений: что-то посаженное, что-то не взошедшее, что-то замеченное слишком поздно.

Вера закрыла книжку. Она не хотела, чтобы несколько строк превратились в предписание. Мать и после смерти не должна была давать ей готовые ответы.

Снаружи хлопнула калитка. Участок огибала соседка, тётя Зоя, с корзиной, накрытой полотенцем.

— Ты всё ещё здесь? — спросила она, заглянув за теплицу. — Я думала, ты уже уехала.

— Не успела.

— Это хорошо. — Тётя Зоя кивнула на заросли. — А то твоя мать переживала за эту землю больше, чем за крышу.

Вера усмехнулась:

— Крыша хотя бы не требовала прополки.

— Зато крыша не цвела.

Тётя Зоя поставила корзину на ступеньку. Из-под полотенца пахло хлебом.

— Я не знаю, что с этим делать, — сказала Вера. — С

домом. С участком. Со всем.

Соседка не стала отвечать сразу. Она поправила полотенце на корзине.

— Сегодня можно ничего не знать. Сегодня можно только не дать земле окончательно зарасти.

Эти слова прозвучали просто, почти буднично. Тётя Зоя попрощалась и ушла, оставив хлеб.

Вера ещё немного постояла у сарая. Потом взяла лопатку и записную книжку, вернулась в дом и поставила чайник. Оценщик позвонил, перенёс встречу на следующий день. Вера сказала, что это удобно, хотя не знала, правда ли.

Она села за кухонный стол, раскрыла книжку матери и положила рядом чистый лист. Хотела записать список дел, но рука не двигалась. Вместо него она написала: «Что я не сделала?»

Вопрос выглядел обвинительно. Вера перечеркнула его и вывела иначе: «Какие решения я не приняла, и что было важно для меня тогда?»

Она долго смотрела на строку. Всю жизнь она привыкла считать свою жизнь единственно возможной. Не потому, что была так уж довольна каждым поворотом, а потому, что иначе пришлось бы признать: рядом с прожитой дорогой существовали другие. Не обязательно лучшие. Просто другие. Она редко спрашивала себя, куда вели бы они. Казалось, такой вопрос нужен лишь для того, чтобы мучить себя тем, чего уже не вернуть.

На полях материнской книжки стояла дата: первое мая. Рядом — «мальва». Вера провела пальцем по слову, потом перевернула чистый лист и разделила его на три колонки.

«Несделанный шаг. Обстоятельства. Потребность».

Она не написала «ошибка». Не написала «трусость». Ей захотелось хотя бы раз попробовать рассмотреть прошлую себя не как подсудимую.

Первый шаг вспомнился сразу. В восемнадцать она не подала документы в институт на ландшафтную архитектуру. Тогда умер отец, матери пришлось одной тянуть дом и работу, а Вера поступила в местный колледж на бухгалтерский учёт.

В колонке обстоятельств она записала: «Папы не стало. Мама плохо спала. Денег было мало. Я боялась уехать и оставить её одну. Не знала, получится ли получить общежитие».

Потом задумалась над потребностью. Не «потребность быть хорошей дочерью» — это звучало так, будто любовь была экзаменом. Она написала: «Хотела, чтобы дома было спокойно. Хотела знать, что мы справимся».

В графе «чему научилась» сначала появилась фраза: «Надо было всё-таки уехать». Вера перечитала её, поморщилась и зачеркнула. Эта фраза ничего не объясняла, только выставляла ей оценку из сегодняшнего дня.

Подумав, она написала: «Я умею заботиться и быть надёжной. Но иногда путаю заботу с отказом от собственного желания. Можно было попросить о помощи, а не решать за

всех».

Вера откинулась на спинку стула. За окном стучал дождь. В её воспоминании мать стоит у подъезда в старом пальто и говорит: «Не волнуйся, разберёмся». Вера тогда слышала только «не волнуйся». Не замечала, что можно было спросить: «А ты хочешь, чтобы я осталась? А я могу всё равно уехать?»

Второй шаг был из другого времени. В двадцать семь лет подруга Аня предложила ей работу в небольшом издательстве в Петербурге. Вера не была редактором, но могла заняться договорами, графиками и расчётами. Ей нравилось представлять, как печатают книги, как пахнет краска в типографии. Она отказалась.

Обстоятельства тоже были настоящими: хорошая работа в родном городе, знакомая квартира, накоплений почти нет. В издательстве обещали зарплату ниже и только испытательный срок. Аня говорила, что всё устроится, но устраиваться пришлось бы Вере самой.

В графе потребностей она написала: «Нужна была безопасность. Хотела контролировать хотя бы что-то».

Рядом, после паузы: «Ещё хотела, чтобы меня считали разумной».

Эта строка удивила её. Вера не подумала бы, что в ней так много зависело от того, какой она выглядит в чужих глазах.

«Научилась ценить устойчивость», — записала она. «Но устойчивость может стать привычным укрытием. Не всякий

риск — безрассудство».

Третий шаг оказался труднее. Вера положила ручку, встала, налила себе воды, вернулась и снова взяла её.

В тридцать четыре она не спросила Павла, видит ли он их вместе через год, через пять лет. Они встречались почти два года, но говорили о настоящем времени: о фильмах, поездках, ужинах. Когда Павел однажды заговорил о переезде, Вера ответила, что ей и так хорошо. Это было неправдой, но так она могла не услышать то, чего боялась.

Она записала обстоятельства: «Он стал отдаляться. Я замечала это, но убеждала себя, что ничего не происходит. Мне было стыдно показаться требовательной».

Потребность: «Хотела близости и ясности. Хотела знать, что меня выбирают».

Вера замерла. Слишком просто. Слишком точно.

Она уже собиралась написать в последней колонке «Не надо было бояться», но остановилась. Будто нынешняя Вера могла приказать прежней не бояться, и та сразу бы послушалась.

Вместо этого она написала: «Молчание тоже имеет последствия. Я могу говорить о том, что мне важно, даже если не могу управлять ответом».

Три строки не сложились в аккуратную историю о том, как всё было к лучшему. Вера не почувствовала внезапного облегчения. Ни один из этих выборов не оказался мелочью. И ни один не превратился в катастрофу только потому, что

она выбрала иначе, чем хотелось бы теперь.

Она смотрела на лист и впервые замечала не только то, чего не получила, но и то, что пыталась сберечь: близость, безопасность, честность. Потребности не казались ни капризными, ни постыдными. Просто в разные годы она умела удовлетворять их лишь тем способом, который был ей доступен.

На последней строчке листа Вера написала: «Я тогда делала то, что могла, из того, что знала». Перечитала и оставила без исправлений.

Дождь прекратился. Вера вышла за теплицу с лопаткой и парой рабочих перчаток. Она решила расчистить только небольшой квадрат — не весь участок, не все грядки, не память матери целиком. Один кусок земли, размером примерно с кухонный стол.

Крапива обожгла запястье сквозь перчатку. Вера выругалась, отступила и нашла под навесом старую куртку с плотными рукавами. Потом вернулась. Она срезала сухие стебли, складывала их в кучу и вытаскивала длинные корни осторожно, чтобы не рвать всё разом. Работа ускорила её мысли. Плечи напряглись, дыхание стало ровнее. С каждым выдернутым сорняком открывалась земля — влажная, тяжёлая, пахнущая чем-то терпким и живым.

Под одним лопухом показался обломок белой плитки. Под другим — деревянный колышек, почти сгнивший. Вера не стала раскапывать участок глубже. Она не знала, что здесь росло раньше, и не хотела превращать неизвестность

в расследование.

Через час квадрат был очищен. Небольшая грядка, пока пустая. Вера разровняла почву тыльной стороной лопатки и поставила у края колышек, чтобы случайно не наступить.

В доме записная книжка матери ждала на столе. Вера открыла её на последней заполненной странице. Там значилось название цветка, которое она не знала, и дата. Ни объяснения, ни имени, ни истории. Только слово, написанное уверенно и ясно.

Она не стала искать это растение в телефоне. Не стала выкапывать старые корни и выяснять, что здесь росло до того, как участок зарос. Ей вдруг показалось важным не торопиться превращать каждую загадку в ответ.

Лист с тремя решениями она сложила пополам и убрала в карман куртки. Потом вышла к грядке ещё раз. Ветер шевельнул над ней тонкие ветви смородины. На мокрой земле лежал мягкий свет.

Вера положила ладонь на ручку лопатки.

Она не могла изменить те дороги, на которые не свернула. Но могла посмотреть, что в них было для неё важным, и не наказывать себя за то, что когда-то выбирала из страха, любви, нужды или нехватки сил. Сожаление не обязано было становиться приговором. Иногда оно указывало на место, где когда-то осталась без внимания какая-то важная потребность.

Сегодня Вера выбрала расчистить землю.

Она решила пока не копать глубже. Не поднимать прошлое пласт за пластом, будто там обязательно спрятан правильный ответ. Сначала она хотела узнать, что может прорасти на этом маленьком участке. Потом — что ей нужно для этого самой.

Она прикрыла дверь сарая, но записную книжку оставила на кухонном столе. В её переплёте что-то едва слышно шуршало, когда ветер переворачивал страницы.

Семена, которых никто не посеял

Когда Вера вернулась на кухню, записная книжка лежала на столе раскрытой. Сквозняк шевелил страницу, хотя окно было закрыто. Бумага приподнималась и опускалась, будто книжка дышала во сне.

Вера прижала страницу ладонью.

Почерк матери теснился между выцветшими пятнами от воды: «Горох — вдоль забора. Настурция — к крыльцу. Не подписанные семена не выбрасывать». Ниже стояло: «Сначала посадить. Название подождёт».

— Это ты сейчас о семенах или обо мне? — спросила Вера.

Ответа, конечно, не последовало. Только в стене щёлкнула остывающая труба.

Ещё днём Вера была уверена, что знает, как обращаться с землёй: убрать сорняки, разрыхлить, проверить влажность. А вот что посадить на очищенной грядке, она не знала. Огурцы казались слишком требовательными. Редис — слишком поспешным. Цветы могли оказаться красивыми, но бесполезными. Даже в саду она умудрялась превратить простой выбор в экзамен, на котором заранее боялась получить плохую оценку.

Она перелистнула страницу. Между плотными листами что-то шуршало.

Вера осторожно раздвинула бумагу и заметила сложенный вчетверо листок. Из него выскользнуло несколько семян — крохотных, почти чёрных, с синеватым отливом. Они легли на стол, и одно покатилось к краю. Вера поймала его кончиком пальца.

Под листком обнаружились ещё три бумажных пакетика. На каждом материнской рукой было написано одно и то же: «Без названия». В первом семена были круглые, тускло-серые. Во втором — плоские, светлые, похожие на крошечные рыбьи чешуйки. В третьем лежали самые маленькие, бурые, с тонкими золотистыми прожилками.

Вера поднесла пакетик к лампе. Золотистые линии исчезли. Она повернула бумагу — и они вспыхнули снова.

Вероятно, угол падения света. Вероятно, так играла тень от её руки.

— Если это укроп, мама, я буду вынуждена признать, что ты умела создавать драму вокруг укропа.

Она принесла из кладовки жестяную коробку для чая и переложила в неё пакетики. Крышка закрылась с мягким щелчком. Внутри что-то едва слышно перекатилось.

Наутро к калитке заглянула Лида, соседка, возвращая секатор.

— Ну что, грядка готова?

— Земля готова. Я — не вполне.

Лида усмехнулась:

— Сажай то, что любишь есть. Так меньше поводов для

сожалений.

— А если я не знаю, что люблю есть?

— Тогда посади то, что хочется попробовать.

Сказав это, она протянула секатор и пошла к своей калитке. Вера ещё долго смотрела ей вслед. Фраза была простая, почти раздражающе простая. Но от неё в голове будто убрали лишний стул: стало просторнее.

В кухне Вера поставила на стол три плетёные корзинки. На полосках плотной бумаги написала названия: «Моё желание», «Чужой сценарий», «Пока не знаю». Потом открыла записную книжку и нашла чистую страницу.

Ей хотелось перечислить всё сразу, превратить собственную жизнь в отчёт с графами «выбрала», «не выбрала», «могла бы». Вместо этого она взяла маленькие обрезки бумаги и написала на каждом по одной фразе. Одно сожаление — один листок. Без объяснений и оправданий.

«Не подала документы на курс ботанической иллюстрации в Петербурге».

Рука задержалась над бумагой. Вера помнила тот буклет: толстая кремовая обложка, рисунок листа, похожего на зелёное пламя. Она возила его в сумке несколько недель. Потом решила, что уже поздно начинать, что у неё нет таланта, что разумный человек не бросает всё ради занятия, на котором, возможно, окажется хуже остальных.

Она положила листок в первую корзинку.

Не потому, что была уверена в своём желании. Потому,

что, представив себя за столом с карандашом и белым листом, почувствовала, как плечи опустились, а дыхание стало глубже. В груди возникло знакомое беспокойство, но под ним — тонкая, почти детская радость. Страх присутствовал. Он не отменял интереса.

Следующий листок: «Не уехала после института работать на северную станцию».

Вера помнила и это предложение. Мать тогда часто болела, а сама Вера после нескольких лет заботы о ней едва находила силы на обычный день. В ту пору она называла свой отказ трусостью. Теперь, вслушавшись в себя, почувствовала не стыд, а усталую тяжесть и тихую печаль. Она действительно хотела увидеть север. И действительно не могла уехать тогда так, будто ничего не происходит.

Вера положила листок в корзинку «Пока не знаю».

— Не обязательно каждый ответ доставать из земли силой, — произнесла она вслух.

На третьем листке было написано: «Не открыла свою студию к сорока годам».

Она посмотрела на фразу и поправила её: «Не стала человеком, про которого говорят: она всё успела».

Вот тогда в теле что-то сразу сжалось. Поднялись плечи, зубы сомкнулись. Вера подумала о фотографиях знакомых, которые переехали, открыли мастерские, опубликовали книги, родили детей, построили дома. Она думала о них не каждый день, но стоило кому-нибудь спросить: «А ты не жале-

ешь, что не попробовала?» — как внутри поднималась паника.

Вера положила листок во вторую корзинку.

Она не утверждала, что чужие ожидания не имеют значения. Иногда они напоминали о настоящих потребностях, иногда помогали увидеть новые возможности. Но на этот раз за фразой не стояло ни одной конкретной жизни, которую ей хотелось бы прожить. Только чужая мерка, приложенная к её времени.

На последнем листке она написала: «Не попросила Антона остаться».

Вера долго держала его в пальцах. В памяти возник не Антон, а пустой перрон, его поднятый воротник и её собственное молчание. Она не понимала, сожалела ли о расставании или о том, что тогда не решилась сказать правду. Сердце било ровно, но ладонь стала холодной.

Листок отправился в корзинку «Пока не знаю».

Вера перечитала то, что получилось. Три корзинки выглядели не как три приговора, а как три разрешения: хотеть, не хотеть, пока не знать. Она записала на полях страницы вопросы, которые пришли ей в голову: «Если бы никто не узнал о моём выборе, захотела бы я этого? Что именно я потеряла: саму возможность или образ себя, который с ней связываю? Что тогда мешало — страх, усталость, чужое ожидание, нехватка денег, забота о близких?»

Она приписала ниже: «Телесное ощущение — подсказка,

не доказательство».

Эта оговорка была важна. Тело могло тревожиться перед настоящим желанием. Могло расслабляться, потому что опасность миновала, а не потому, что решение было правильным. Но прислушаться к нему всё-таки стоило. Вера впервые заметила: некоторые сожаления звали её не назад, а к тому, что можно попробовать сейчас.

Она достала из кладовки чайную коробку. На подоконнике расстелила чистую салфетку и высыпала на неё семена из трёх пакетиков. Никакие не были похожи на знакомые семена огурца или настурции. Один серый шарик покатился к листку о Петербурге. Вера хотела смахнуть его обратно, но остановилась.

Семя лежало рядом с записью и будто потемнело с одного края. Вера моргнула. На подоконнике переместилась тень от занавески.

Она поднесла к семени листок «Не подала документы на курс ботанической иллюстрации». Ничего не произошло. Только когда Вера подумала о том, как однажды рисовала карандашом листья папоротника, серый шарик отразил тёплый медный отблеск.

— Ты не можешь быть ответом, — сказала Вера.

Семя молчало.

Она коснулась его. Оно было чуть теплее остальных. Может быть, нагрелось от солнечного пятна. Может быть, ей хотелось найти знак, потому что без знака она не знала, что

делать дальше.

Она вспомнила слова Лиды: посади то, что хочется попробовать.

Вера отобрала три семечка, по одному из каждого пакетика. К ним положила записку о рисунках и ещё одну, которую написала сейчас: «Попробовать провести у моря несколько дней одной». Вера не помнила, чтобы когда-нибудь отказалась от конкретного приглашения. Это было не сожаление о потерянной поездке, а любопытство к самой возможности: солёный воздух, утренние часы, когда никто не ждёт ответа, и простор, в котором не нужно быть полезной.

При этой мысли в животе слегка дрогнуло. Страх? Волнение? Оба чувства могли носить одно и то же пальто.

Она не взяла листок о северной станции. Не потому, что решила больше никогда к нему не возвращаться, а потому, что сейчас не хотела превращать сложную память в указание. Листок об Антоне тоже остался в корзинке «Пока не знаю». А сожаление о чужой мерке Вера не посадила вовсе.

К сумеркам она вышла в сад. Земля на расчищенной грядке была рыхлой, влажной после ночного дождя. Вера разметила два небольших места тонкой бечёвкой. В первое положила листок о рисунках и семя с медным отливом. Во второе — записку о море и два других семени, одно серое, другое с золотистыми прожилками.

Она не стала закапывать бумагу. Сложила её и положила рядом, под деревянные метки. Семена присыпала землёй,

осторожно, будто укрывала маленький огонь от ветра.

На миг поверхность грядки под бечёвкой показалась ей чуть светлее. Не сияла — просто удерживала вечерний свет, когда всё вокруг уже темнело. Вера наклонилась, провела пальцем по почве. Обычная земля: прохладная, мягкая, пахнущая дождём и старой травой.

— Теперь просто расти, — сказала она. — Не доказывай мне ничего.

Ночью Вера проснулась от тихого стука. Сначала решила, что дождь снова пошёл и капли бьют по подоконнику. Но в доме было тихо. Тогда она услышала шорох, будто кто-то осторожно разглаживал бумагу в соседней комнате.

Накинув кардиган, Вера вышла в сад. Луна скрылась за облаками, и грядка казалась серой. Она посветила фонариком. Земля возле бечёвки была чуть растрескавшейся, хотя вечером Вера помнила её ровной.

В точке, где сходились обе линии, показался тонкий зелёный росток.

Он был слишком высоким для семени, посаженного несколько часов назад. Или Вера просто плохо помнила, насколько глубоко прикрыла его землёй. На стебле раскрылись два бледных листа, похожих одновременно на крошечные лопатки и на сложенные ладони. Их края светились слабым серебристым светом. Когда Вера наклонилась ближе, свечение пропало. Осталась только капля воды, дрожавшая на одном листке.

Она не знала, какой именно выбор отозвался первым: рисунки, море или что-то, чему она ещё не дала имени. Возможно, росток пророс из случайного семени, занесённого ветром. Возможно, луна подсветила листья сквозь облака. Возможно, ей просто очень хотелось, чтобы в мире нашлось место для ответа.

Вера не стала придумывать ему название. Не решила, кем он должен вырасти и что доказать. Она принесла из сарая деревянную палочку, чтобы обозначить место, и оставила её в земле рядом, не касаясь стебля.

Потом вернулась в дом и раскрыла записную книжку на чистой странице. Написала: «Понаблюдать утром».

Этого пока было достаточно.

Первый росток: жизнь, которую я не выбрала

Вера открыла теплицу раньше, чем дом окончательно проснулся.

Воздух внутри был прохладным и влажным. На стекле дрожали капли, пахло землёй, томатной ботвой и прошлогодними досками. Она взяла записную книжку — ту самую, где накануне написала: «Понаблюдать утром», — и остановилась у грядки.

Росток уже не был ростком.

От его тонкого стебля по земле тянулась серебристая лиана. Она обвивала деревянную палочку, которую Вера поставила накануне, не касаясь растения, потом переползала через край грядки и исчезала в щели под дверью теплицы.

Вера присела.

— Это слишком быстро, — сказала она вслух.

Лиана не ответила. На её листьях светились тонкие прожилки, будто кто-то провёл по ним грифелем. Вера проследила за стеблем до порога, распахнула дверь и увидела, что он продолжался по дорожке. Не прятался в траве, не цеплялся за ограду, а словно указывал направление.

К старой железнодорожной платформе.

Она знала эту платформу с детства. Раньше отсюда ходи-

ли поезда до соседнего города, но ветку закрыли много лет назад. Рельсы заросли, деревянные шпалы местами сгнили, и теперь там собирались только мальчишки с велосипедами да люди, которым хотелось пройти коротким путём к реке. Вера не бывала там давно.

Она могла вернуться в теплицу. Взять телефон, позвонить кому-нибудь, убедиться, что серебристые листья — следствие росы, игры света или её собственного недосыпа.

Вместо этого накинула куртку и пошла за лианой.

Дорога к платформе заняла пять минут. Чем ближе Вера подходила к ней, тем отчетливее проступала в памяти другая дорога — к кассам вокзала, к поезду на Петербург, к решению, которое она столько лет пересказывала себе одним и тем же коротким предложением: «Я тогда выбрала стабильность».

Ей было двадцать семь. Подруга Лида уже год жила в Петербурге и работала в небольшой типографии. Однажды она позвонила и сказала, что там ищут помощницу на несколько месяцев. Работа не обещала ни славы, ни больших денег. Можно было бы пожить у Лиды в комнате, потом снять угол, а по вечерам попробовать ходить на курсы рисунка.

— Я не предлагаю тебе навсегда менять жизнь, — сказала тогда Лида. — Просто приезжай. Посмотришь.

Вера помнила, как стояла у кухонного окна с телефоном у уха. На столе лежала анкета на постоянную должность в отделе, где она подрабатывала. Зарплата была невысокой, за-

то регулярной. У матери тогда сломался холодильник, а Вера помогала ей оплачивать счета. Ей хотелось наконец перестать жить от одного случайного заработка до другого, как бывало в студенчестве.

Она отказалась от поездки. Приняла предложение о работе. Лида не обиделась, только сказала: «Хорошо. Если передумаешь, место пока будет».

Место, конечно, не осталось.

— Я выбрала разумно, — произнесла Вера, ступая на платформу.

На дальнем конце среди травы белели листья лианы. Они лежали на старых шпалах, почти не касаясь их. Вера остановилась возле ржавого столба, на котором когда-то висело расписание. Ветер прошёл над путями, пригнул сухие стебли. И тогда она услышала поезд.

Не гудок, не настоящий стук колёс. Сначала низкий шум, будто кто-то катил тяжёлый шкаф по полу. Потом звон металла, знакомый даже человеку, который редко ездит: поезд приближается, замедляется, останавливается.

На платформу легла тень.

Вера посмотрела вниз. Рельсы, заросшие травой, блестели так, словно их только что очистили от ржавчины. Из-за поворота вышел поезд — старый, тёмно-зелёный. Он не должен был здесь быть. Вера знала это так же ясно, как знала, что сейчас стоит в куртке на заброшенной платформе у собственного сада.

Двери раскрылись.

В вагоне у окна сидела молодая женщина в синем свитере. Волосы собраны небрежно, на пальце следы чернил. Она смотрела на Веру с выражением человека, который ждал слишком долго, но не решил, сердиться ему или нет.

Вера узнала себя.

Не точное отражение: лицо было мягче, плечи напряжённее, а на коленях лежал раскрытый блокнот. Но это была она — та, которая могла сесть в поезд.

Вера поднялась в вагон.

Когда двери закрылись, платформа исчезла за стеклом. Поезд тронулся, и в окне поплыли дома, мокрые от дождя, вывески, провода. Вместо привычного страха перед ошибкой Вера почувствовала странную ясность: сейчас ей не нужно было выбирать между настоящей жизнью и выдуманной. Она могла только посмотреть, какой могла быть одна из версий.

В Петербурге было пасмурное утро.

Комната, где жила Вера, помещалась в длинном коридоре коммунальной квартиры. У стены стояла узкая кровать, возле окна — стол с чашкой, в которой засох чай. На батарее висели носки. В углу прислонилась к шкафу доска для рисования, а на полу лежала сумка, из которой виднелась щётка для волос.

На подоконнике дрожал горшок с зелёным растением. Его листья пылились.

Вера проснулась от того, что соседка закрыла дверь. За тонкой стеной кто-то включил радио. Она натянула свитер, выпила остывший чай и посмотрела в блокнот. На одной странице были быстрые наброски окон, обуви, лица женщины в метро. На другой — список расходов: проезд, еда, аренда, бумага.

В типографии ей досталась работа, которую нельзя было назвать творческой мечтой. Она резала бумагу, раскладывала заказы, набирала на компьютере надписи для приглашений и исправляла чужие макеты. Иногда владелец просил её «сделать что-нибудь поинтереснее», но объяснял, что именно, только после третьей попытки.

В тот день она перепутала два заказа и задержалась допоздна. Вечером зашла с Лидой и её знакомой Катей в дешёвое кафе. Они говорили о выставке, о хозяине квартиры, который опять обещал починить кран, о том, как Катя ушла из музыкальной школы и теперь играет по выходным в маленьком баре.

— А ты что рисуешь? — спросила Катя.

Вера замялась.

— Пока не знаю.

— Хороший ответ, — сказала Катя. — Значит, ещё не успела себе всё запретить.

Они рассмеялись. Вера почувствовала, как внутри отзывается что-то лёгкое. Не уверенность, не обещание успеха, а удовольствие от того, что впереди есть неизвестное. После

кафе Катя позвала её на прогулку, но Вера отказалась: на следующий день нужно было вставать рано. Она вернулась в комнату одна, сняла ботинки и долго слушала, как за стеной смеются и передвигают стулья.

Город был полон людей, а в комнате было одиноко.

На следующий день Вера проснулась с тревогой из-за денег. Заказов в типографии стало меньше. Лида сказала, что в следующем месяце ей придётся переехать к парню, и освободить место. Вера открыла объявления об аренде, закрыла их и пошла на работу под мелким дождём.

В трамвае она заметила мальчика, который прижимал к стеклу ладонь. Его мать спала, уронив голову на плечо. Вера достала блокнот и набросала их обоих. Рисунок вышел неровным: линии дрожали от движения, лицо мальчика оказалось слишком серьёзным. Но она смотрела на страницу и чувствовала, что видит не только его, а ещё и свет на мокром окне, и усталость матери, и собственную руку, которая умеет это замечать.

В тот вечер она пошла на занятие по рисунку. Преподаватель велел нарисовать простой металлический чайник. Вера рисовала его сорок минут, стирала, начинала заново и всё равно ошибалась с пропорциями. На выходе она была недовольна собой и почему-то счастлива.

Поезд двигался дальше, но за окном уже не было города. Вера увидела, как её молодая версия сидит у окна в комнате, держит на коленях тот самый блокнот и смотрит на неудач-

ный рисунок чайника.

— Ты была бы счастлива? — спросила Вера.

Молодая женщина подняла глаза.

— Иногда, — ответила она. — И иногда нет.

— Ты стала бы художницей?

— Не знаю.

— Ты не жалеешь, что я не приехала?

Та чуть подумала.

— Я не умею скучать по жизни, которой не было. Но мне жаль, что ты перестала рисовать.

Поезд замедлился. За окном возникла платформа — та же заброшенная, с травой между шпалами. Двери раскрылись. Вера вышла и очутилась на холодном утреннем воздухе.

Она не могла решить, что именно произошло. Может быть, она просто задремала стоя. Может быть, память развернулась перед ней так наглядно, что стала похожа на путешествие. Или серебряная лиана действительно умела вести туда, где прошлое сохраняет свои неиспользованные дороги.

Но ощущение в груди было настоящим.

Вера не скучала по гарантированной карьере художницы. Ей не обещали мастерскую с большими окнами, удачные выставки или ясный ответ на вопрос, чем заняться дальше. Она скучала по возможности пробовать. По времени, когда рисунок мог быть не полезным, не прибыльным и не доказательством таланта. По праву быть начинающей.

Вернувшись домой, она села за кухонный стол и раскрыла

записную книжку. На чистом листе провела три колонки.

В первой написала: «Обстоятельства тогда».

Её работа не была выдуманным оправданием. Деньги были нужны. Мать нуждалась в помощи. Вера устала от непредсказуемости. Ей хотелось опоры, и постоянная должность дала её.

Во второй колонке появилось: «Цена той альтернативы».

Нестабильный заработок. Чужая тесная комната. Расставание с привычным кругом. Необходимость снова просить, искать, ошибаться. Одиночество, которое не отменялось тем, что вокруг много людей. Она могла бы уехать, но это не означало, что всё сложилось бы легко.

В третьей колонке Вера написала: «Что я хотела получить?»

Она остановилась, перечитала вопрос и добавила ниже: «Не только цель, но и потребность».

Сначала написала: «Стать художницей». Потом зачеркнула. Слишком большой ответ, слишком похожий на вывеску, за которой можно не рассматривать содержимое.

Написала снова: «Рисовать. Пробовать новое. Самой решать, чему уделять внимание».

На полях добавила ещё несколько вопросов для себя, чтобы не путать одно с другим: «Какого результата я ждала от того выбора? Что в нём было самым привлекательным? Какая потребность стояла за этим? Что из неё можно поддержать сейчас?»

Она посмотрела на страницу. Оказалось, не обязательно доказывать, что тогдашняя Вера ошиблась. Та приняла решение в тех обстоятельствах, какие были. Она выбрала устойчивость не потому, что ей не хватало смелости, а потому, что в тот момент устойчивость была нужна. И всё же цена выбора тоже существовала: рисование постепенно отодвинулось так далеко, что Вера почти перестала замечать его отсутствие.

Это не делало поездку правильным ответом. Это помогало понять вопрос.

На работе она умела составлять планы, распределять сроки, учитывать расходы. В собственной жизни почему-то ждала, что желание сначала предъявит безупречное обоснование. Стоило ему заговорить, как она спрашивала, принесёт ли оно пользу, оправдает ли время, не окажется ли смешным. Теперь можно было начать не с разрешения, а с маленькой практической проверки.

Вера взяла телефон и нашла вечерний курс рисунка в районном культурном центре. Занятия проходили дважды в неделю. Доехать можно было за пятнадцать минут. Стоимость помещалась в ту сумму, которую она обычно тратила на незаметные мелочи.

Она набрала номер.

— Добрый день. Я хотела узнать, есть ли ещё место в группе для начинающих.

— Есть, — ответил женский голос. — Вы раньше занима-

лись?

Вера посмотрела на записную книжку.

— Давно. И очень нерегулярно.

— Тогда вам как раз сюда. У нас люди с нуля начинают.

Вера едва не рассмеялась. Слова были простыми, но в них оказалось достаточно места.

— Запишите меня, пожалуйста.

После разговора она достала из шкафа старый альбом. Несколько страниц были заполнены рисунками, сделанными много лет назад. На одной — кружка, на другой — окно электрички, на третьей — незнакомая женщина в шляпе. Вера не стала разбирать, хороши они или нет. Закрыла альбом и положила рядом с сумкой, чтобы взять на первое занятие.

Потом пошла в теплицу.

Серебристая лиана всё ещё уходила от грядки в сторону старой платформы. Часть её листьев поблекла в дневном свете, часть оставалась светлой. Вера не стала тянуть за стебель и не пыталась выяснить, где у него конец. Она принесла табурет, положила на колени чистый лист и устроилась напротив растения.

Сначала провела короткую линию стебля. Потом — один лист, второй. Первая попытка вышла кривой. Вера стёрла угол, поправила изгиб, но не стала начинать заново. В теплице было тихо, только капли падали с крыши в лейку. За стеклом сад уже просыпался: где-то переговаривались птицы, на дорожке темнела земля.

Она рисовала не Петербург и не поезд. Не ту жизнь, которая могла бы доказать, что отказ был ошибкой. Она рисовала то, что росло перед ней сейчас: тонкий стебель, серебристые прожилки, непривычный изгиб листьев.

Когда солнце переместилось на соседнее стекло, Вера отложила карандаш. На рисунке оставалось много незаполненного места. Она не стала его заштриховывать.

Ей впервые за долгое время показалось, что незаполненное место не обязательно означает упущенное. Иногда оно просто ждёт, что ты решишь посадить там дальше.

Чужие развилки в моих грядках

Утром Вера снова пришла в теплицу с рисунком в кармане. Лист успел помяться, на краю остался след от кружки, зато кривой стебель на рисунке уже не казался ошибкой.

Она направилась к грядкам, чтобы проверить, не ушла ли вода из лейки за ночь, и остановилась.

У дорожки, где накануне была только рыхлая земля, распустились цветы. Яркие, почти вызывающие: лепестки алые у основания, оранжевые на кончиках, будто кто-то поджёг маленькие бумажные фонарики. По краям лепестков блестели тонкие шипы. Они загибались внутрь, к сердцевине, и на солнце выглядели скорее украшением, чем угрозой.

Вера присела рядом.

— Ну и характер, — сказала она.

Цветы покачнулись, хотя в теплице не было сквозняка.

Она узнала их не сразу. Потом заметила возле стеблей сухие бирки с короткими надписями. На одной было выведено: «Я быстро». На другой: «Ничего страшного». На третьей: «Конечно, помогу».

Вера коснулась бирки пальцем, и в памяти щёлкнуло.

Тогда она работала в издательском бюро. Павел Андреевич, её начальник, задержался у стола с распечатками и сказал: «Вер, посмотришь ещё вот этот раздел? Там немного, на час». Час превратился в вечер. Вера уже собиралась уходить,

но на столе лежала чужая работа, а у Павла Андреевича был такой усталый вид, что она произнесла знакомое:

«Да, конечно».

В другой раз она согласилась заменить коллегу в субботу. Потом взяла срочную правку, хотя сама готовилась к важному собеседованию. Всякий раз ей казалось, что отказ будет не просто отказом от задачи, а чем-то большим: проявлением неблагодарности, эгоизма, почти жестокости.

Она смотрела на цветы и вспоминала, как легко произносилось «да» и как долго потом приходилось распутывать его последствия.

— Я ведь не всегда хотела соглашаться, — сказала она.

В ответ один из лепестков чуть дрогнул. Шипы на нём отливали медью.

Телефон в кармане завибрировал. На экране высветилось: «Павел Андреевич».

Вера выпрямилась так резко, что ударилась плечом о край стеллажа.

Она не разговаривала с бывшим начальником несколько месяцев. Иногда они обменивались новостями, поздравляли друг друга с праздниками. Павел Андреевич был не из тех людей, кто считал чужое время своей собственностью. Он когда-то поддержал Веру, когда она допустила ошибку в важном выпуске, и не позволил свалить на неё чужую небрежность. Помог ей поверить, что хорошая работа не обязана сопровождаться унижением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.